

Т. И. Дронова

ГОСТЕПРИИМСТВО В КАРТИНЕ МИРА СТАРОВЕРОВ УСТЬ-ЦИЛЬМЫ

В статье рассматривается религиозно-нравственный феномен гостеприимства в картине мира у русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы, проживающих в нижнем течении р. Печоры в Республике Коми. Источником к написанию работы послужили этнографические полевые материалы, собранные автором в Усть-Цилемском районе Республики Коми и корпус усть-цилемских фразеологизмов, пословиц, присловий, выявленный из словарей. Как концепт культуры гостеприимство широко представлено в поговорках, где аллегорически раскрываются ситуации, связанные с гостеприимством, осмысливаются нормы, установки и предписания в поведении контактирующих сторон, раскрывается значение гостевых контактов в установлении и поддержании социальных связей. По заявленной теме представлены и проанализированы термины, выражения, характеризующие хозяев и гостей в зависимости от различных ситуаций (гостеприимность — негостеприимность, встреча — прощание и др.). В статье раскрывается, что гостеприимство имело большое воспитательное значение, ознакомление детей с нормами гостеприимства строилось не только на личных наблюдениях и примерах, но и с привлечением устойчивых выражений и текстов. Исследование показало, что гостевое общение сплавляло не только родственников, но и представителей общины в целом. Выявлено, что несмотря на известную закрытость староверов-беспоповцев, они проявляли дружелюбие и взаимопонимание к представителям других конфессий, предоставляли им кров и еду. В картине мира русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы гостеприимство имело важное значение в сохранении и развитии непреходящей ценности их бытия.

Ключевые слова: *русские староверы, гостеприимство, поговорка, странник, гость, хозяин, угощение.*

Введение

В культурах разных народов гостеприимство является одним из механизмов, обеспечивающих процесс формирования взаимопонимания, добрососедских, родственных отношений, поддержания общественного порядка, а также составляет одну из добродетелей, представляющую собой не только акт милосердия, но и свидетельство веры. Христианское гостеприимство рассматривается как проявление доброго дела во спасение и вместе с тем в предоставлении крова и пищи странствующим верующие люди видят оказание милости ангелам, основанное на заповеди апостола Павла: «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Толковая, 2009: 1098). Однако в разных культурах содержание отношений гостеприимства имеет различия и ограничения. В данной статье будет рассмотрено значение гостеприимства как особой формы бытового поведения, отражающего специфику культурной коммуникации у русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы, более трех столетий проживающих в нижнем течении р. Печоры (Республика Коми) в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения: с севера граничат с ненцами, с юга — коми-ижемцами. Мировоззренческий аспект самосознания староверов базируется на древлеапостольском учении, понимаемом ими как единственно верном, сохраняя которое происходило этнолокальное сплочение и выстраивание границ с иноконфессиональным миром. Созданные староверами стереотипы восприятия иноэтничных, инославных соседей как «чужих» носили защитный характер, передавались из поколения в поколение и были направлены на сохранение религиозных и этнических традиций. Вместе с тем адаптационные процессы предопределили компромисс во взаимодействии инославных групп: контакты (староверов) носили сугубо рациональный характер: использовался хозяй-

ственный опыт выживания в условиях Крайнего Севера, заимствовалась меховая одежда и способы обработки оленьих шкур, оказывалась помощь соседним народам.

До настоящего времени гостеприимство, гостевой этикет усть-цилемских староверов не привлекал внимание исследователей и краткие упоминания об этом находим лишь в немногочисленных работах путешественников, исследователей рубежа XIX–XX вв. О конфессиональной принадлежности устьцилемов узнаем из работ Ф. М. Истомина, Н. Е. Ончукова, Е. А. Ляцкого, в которых они четко называются беспоповцами, а также встречаются краткие сведения о гостеприимстве и о взаимоотношениях староверов с иноверцами (Истомин, 1890; Ончуков, 1901; Ляцкий, 1904). Содержательный материал о положении старообрядчества в Печорском крае публиковался на страницах Архангельских губернских и епархиальных ведомостей. Авторами статей, чаще всего, являлись представители православной церкви, что накладывает определенный отпечаток на их трактовки. Отдельные сведения о гостеприимстве можно извлечь из публикации священника П. Ильинского, сообщающего об отношении усть-цилемских староверов к представителям православной церкви и взаимодействия с ними в рамках семейного общения (Ильинский, 1890:).

Историография по теме «гостеприимство в старообрядческой среде» крайне скудна, что свидетельствует о ее неразработанности. В работах исследователей проблема контактов старообрядцев с иноконфессиональным миром рассматривается на примере «чашничества» — требования, введенного староверами для соблюдения личной посуды, предотвращающего обмирщение, т.е. растворение в иноконфессиональной среде. Выявлены две работы, касающиеся темы «гостеприимство»: «“Правило чаши”: гостеприимство старообрядцев в антропологической перспективе» (Рыговский, 2018: 172–177) и «Старообрядцы и православные в русском сельском социуме XX в. (поведенческие стереотипы взаимодействия)» (Островский, 2005: 85–104), в которых анализируя материалы о гостевых взаимоотношениях, послужившие для сопоставления с материалами по гостеприимству усть-цилемских староверов.

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в ходе многолетних исследований, проводившихся в Усть-Цилемском районе, а также усть-цилемских паремиях, представленных в словарях (Дронова, 2014; Ставшина, 2008), отражающих нравственные нормы гостеприимства, устанавливающего и поддерживающего дружественные взаимоотношения. В языковых единицах воссоздаются модели восприятия и гостевого общения с людьми староверческого и инославного вероисповедания.

Непредвиденные гости

Условия проживания на Крайнем Севере обуславливали особые коммуникативные действия, в число которых входила душевная доброта и готовность принять любого человека, нуждающегося в крове и еде. Альтруистический подход староверов во многом связывался с их представлением о делании добра во спасение, поэтому, несмотря на известную закрытость представителей данной конфессии у усть-цилемских староверов двери домов для странников всегда были открыты. Институт гостеприимства предполагал целый ряд запретов, закреплявших поведение хозяев и гостей. Как известно, не принято было расспрашивать путника: кто он, куда путь держит, и гость мог покинуть дом, не назвавшись (Венмейстер, 2013: 149; Тучкова, Коробейникова, 2017: 81). Чужаков как людей, наделенных могуществом и силой (чаще вредоносной) боялись и поэтому расспросы считались неуместными. Однако в усть-цилемской традиции было естественным расспросить гостя (путника) о цели визита, особенно если тот проявлял стеснение. Незнакомца традиционно спрашивали: «*Чьих будешь?*», «*Куда путь держишь?*»; приветствовали: «*Приходи, садись, скажись — гостьей (гостем) будешь*». Для староверов эти расспросы были важны, прежде всего, с точки зрения принадлежности странника к конфессии. Инославному никогда не отказывали в ночлеге и угощении, но поступать следовало так, как предписывалось правилом и традицией.

В ранней истории староверия факт бытового общения староверов с инославными представителями, вероятно, с одной стороны, рассматривался возможностью обнаружить себя и навлечь проблемы во взаимоотношениях с представителями власти и церкви; с другой, — проблемой в сохранении конфессиональной чистоты и поэтому послужил причиной известного обособления от «нестарообрядческого мира» в «еде, питии и молитве»; запрещалось совместное мытье в бане. Даже за бытовое общение с иноверными, например, на выезде, следовало отмаливать епитимию.

В условиях жесточайших гонений и притеснений «остальцы древлего благочестия» ввели систему запретов, способствовавших сохранению своей религиозной культуры, менталитета, что предотвратило от растворения их в инославном окружении. С целью избежания «обмирщения» и сохранения конфессиональной «чистоты» староверы ввели обычай использования личной посуды (чаши) и эта практика была повсеместной. Вместе с тем, дистанцирование в посуде являлось серьезным сдерживающим фактором проявления гостеприимства, ограничивавшего взаимодействие с людьми нестароверческого мира. Представителям других конфессий предоставлялась отдельная посуда, которая в ранней истории староверия выбрасывалась или сжигалась, в дальнейшем — хранилась отдельно, и ею хозяева не пользовались; *гостима посуда* — ‘предназначенная для чужих людей’. Ныне в локальных традициях существуют способы «исправления» чаши: сибирские староверы на Медовый Спас (14 августа) и Крещение (19.01) моют ее в естественных водоемах — реке или роднике (Рыговский, 2018: 175); усть-цилемские староверы очищают каждением.

Существовали и другие варианты гостевого взаимодействия в трапезе. А. Б. Островский пишет о взаимодействии нижегородских староверов и представителей официальной церкви в постсоветский период на поминальном обеде, куда староверы приходили со своей посудой, при этом им накрывали стол в отдельной комнате, или кормили в едином помещении, но за отдельным столом (Островский, 2005: 97). В усть-цилемской традиции не возбранялось есть за одним столом с чужаком, но из разной посуды, при этом молитва перед трапезой и после нее совершалась особо и в связи с этим существовало два варианта ее исполнения. В прошлом (до первой трети XX в.) домочадцы и иноверные гости молились на разные иконы: первыми молились хозяева дома и вслед за ними гости. Позднее божница была единой для всех, но хозяева стояли к образам ближе, а гости становились от них поодаль — за спинами. Таким образом, известные запретительные нормы, безусловно, ограничивали общение, но всегда существовали варианты индивидуально-личностного взаимодействия.

Важно и то, что христианское понимание жизни было выше некоторых нововведенных запретов, например, милостыню следовало подавать всем нуждающимся людям, как и предоставлять кров странствующим, несмотря на их конфессиональную принадлежность.

Даже внутри одноверцев-устыцилемов со временем сформировалось разделение на группы по мере выполнения ими предписываемых норм поведения в общении в иноконфессиональным окружением. Представления о скитниках, как истинных носителях старой веры, породили разделение староверов Усть-Цилемской волости на три категории: *истые*, или *староверы*, *поперечные* и *мирские*. *Истые* вели закрытый образ жизни, *поперечные* — общались с представителями других конфессий и не обособлялись в посуде, *мирские* — вступали в брак с инославными. Безусловно, такая стратегия, прежде всего, связывалась и с идеологией скитников, проживавших уединенно в Великопоженском ските (Усть-Цилемская волость — Т. Д.), исключавших общение с «никонианским» миром. Как известно, для староверов ограничение в общении с людьми вне их круга и разделение на «своих» и «чужих» строилось исключительно по конфессиональному признаку. Для прочих нижнепечорских староверов в вопросе гостеприимства основополагающими оказались религиозно-этические нормы русского народа, заключавшиеся в милосердии: считалось большим грехом закрыть дверь перед странником, независимо от его конфессиональной или этнической принадлеж-

ности. Поэтому каждая семья была готова принять проезжего человека, что отмечали в своих путевых заметках путешественники, описывавшие жизнь печорских староверов. Ф. М. Истомина, посетивший усть-цилемские селения в 1890 г., писал: «Что в особенности нужно сказать о женщинах, очень подвижны и словоохотливы, несмотря на то, что закоренелые староверы; о радушии и гостеприимстве нечего и говорить — это общая черта всех печорцев» (Истомин, 1890: 444). Об этом же писали православные миссионеры на рубеже XIX–XX вв.: «Следует отметить, что на Печоре (речь идет об усть-цилемских селениях — Т. Д.) весьма развита народная черта — гостеприимство: никогда дом в присутствии хозяев не запирается, каждый проезжающий по деревне может остановиться у любой избы, зайти в нее и расположиться как дома; точно также в селах каждый может зайти даже в незнакомый дом и посидеть часок-другой, особенно в праздничный день. Потому и посещение миссионером домов раскольнических не встречает здесь тех препятствий, как в других местах, где двери домов раскольнических заперты крепко и священника ни за что не пустят туда» (Ильинский, 1890: 445). Представляется, что открытость и расположенность к общению печорских староверов в отличие от староверов, проживавших в северо-западных местностях, во многом объяснялась удаленностью и труднодоступностью их местоположения. Эта открытость, безусловно, способствовала распространению древлеправославия на Европейском Северо-Востоке. Суровость поморцев, проживавших на Пинеге, Онеге еще выговские наставники объясняли близостью их местоположения к Архангельску и Санкт-Петербургу, где имелось духовное руководство официального православия, преследовавшего староверов: «Везде цепи брячаху, везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты Никонову учению служаху, везде и жезлие в крови исповеднической повсядневно омочахуся» (Филиппов: 25). «*Дорожного человека велено приютить, обогреть и накормить*» — так полагают усть-цилемские староверы и в настоящее время.

Обычай расспроса гостя распространялся и на своих одноверцев в тех случаях, когда пришелец не был знаком с хозяевами дома. Обычно хозяин или хозяйка спрашивали: «*Чьих будешь?*», «*Какого роду-племени?*», «*За каким-то большим делом пришел / пришла?*». Если гость приезжал из другой деревни, то спрашивали: «*Какие дела правишь?*» «*С каким ле большим делом ходишь?*». Эти вопросы были вполне уместными, поскольку крестьяне с праздными визитами не приезжали, и поэтому считалось, что такие расспросы не могли вызывать у гостя обиду или непонимание, а наоборот заинтересованность хозяев рассматривалась возможностью и готовностью помочь. Как бы в оправдание за расспросы внезапным гостям хозяева говорили: «*угол за собой не возят*», «*фатеру никто за собой не носит (возит)*», «*дом на месте, ворота на съезде*» т.е. дело житейское, располагайтесь на постой. В прошлом было не принято родственникам предупреждать о своем приезде и такие визиты были обычным делом. Подобная взаимовыручка сохраняется и в настоящее время. Если приезжали на несколько дней, то привозили гостинцы: рыбу, грибы, варенье или другую продукцию, чаще ту, которая была в дефиците для хозяев.

Хождение в гости не всегда происходило по приглашению. Бывало, женщины наведывались с целью поддержания дружеского общения, приходили по делу, «справиться о жизни», «посмотреть» и это не возбранялось традицией. Подобные визиты приурочивали к малым праздникам и воскресным дням. Гощения запрещались в посты, в кануны праздников, по субботам, говорили: «*в субботу только вишивый да ленивый гостится*». У устьцилемов бытовали традиционные словесные приветствия и прощания. Следует отметить, что устьцилемский говор очень живописный и образный, и за это нижнепечорских староверов называют «*краснопевыми*», «*речистыми людьми*». Примером тому может стать типичный диалог при встрече и прощании хозяев и гостей: «*Здорóвате живете!*» — говорят гости при входе в дом. «*О! Небывалы гости! Приходите, проходите: садитесь да скажитесь! Откуль¹ каких*

¹ Откуда.

новостей чули²?» — отвечают хозяева, подчеркивая через «небывалых гостей» уважение к вошедшим. Особое отношение было к желанным, дорогим гостям, в случае прихода которых традиционно говорили: «Заходи, проходи — гостьей (гостем) будешь», «О! дорогой гостюшко (гостьюшка) пришел». «Раньше ведь дорогí гости придут, дэж их величают — рады гостям. Говорят: приходи, садись, скажись, госьей будешь. Новы³ ишииз прискажут : проходи, дорога госьюшка» (ПМА 3). Согласно правилам этикета, гость мыл руки, трижды обносил себя крестным знаменем с молитвой «Боже милостив..», и только после этого здоровался и принимал приглашение пройти и сесть. До середины прошлого столетия у мужчин было не принято здороваться за руку, считалось грехом. Об этом отмечал также Е. А. Ляцкий, описывая жизнь усть-цилемских староверов на рубеже XIX–XX вв.: «Помня как Иуда правой рукой предал Христа и взял за это тридцать серебрянников, отказываются (устыцилёмы — Т. Д.) от рукопожатия навсегда, чтобы как-нибудь, хотя бы в малом, не оказаться сопричастными Иудину греху через рукопожатие» (Ляцкий, 1904: 723). При входе в дом мужчины снимали шапку; женщины приветливо улыбались. После Великой Отечественной войны, фронтовики, вернувшиеся домой ввели правилом здороваться через рукопожатие, что несомненно, еще долгое время осуждалось старцами.

Необычным было и расставание с гостями. При уходе гости прощаются с хозяевами: «Прости, меня, грешного/грешину» — «Бог простит, меня грешного/грешину прости» — «Восподь (Господь — Т. Д.) простит» и тут же хозяева добавляют: «Вперёд гостите». «Ваши гости» — отвечают уходящие, вместо привычных нам «до свидания» и «приходите еще». Если гости проживали некоторое время в доме и оказывали помощь по хозяйству, то хозяева обязательно благодарили и за добрые дела и иносказательно говорили гостям — «Вперёд дорога», т. е. будем рады видеть вас и впредь, гостям всегда рады. При расставании мне часто приходилось слышать в свой адрес добрые напутствия от моих собеседниц, наполненные искренностью, неподдельной заботой и теплотой, которые для многих покажутся необычными: «Упаси, Господи, тебя от притч, от напастей, от злых людей и от лютых зверей» (ПМА 1); «Сохрани тебя на всяку путь, долгу дорогу на воды и на земли, от злых людей и от лютых зверей» (ПМА 2).

Практиковались визиты с целью кратковременного отдыха, когда человек преодолевал большие расстояния (чаще хождение по обету), а состояние здоровья не позволяло совершить пешеходный путь без остановок. В этом случае визит был недолгим иногда без угощения: «Бабка Акулина ходила в Алехино по обету помолиться Алексею — человеку Божьему. Вперед шла без остановок, ни с кем не разговаривала, а на обратном пути зашла к сватьи передохнуть. Чай попила, маленько отдохнула и дальше пошла. Тут уж долго не гостят» (ПМА 1).

У устьцилемов своеобразный обычай приходит в гости в новый дом без приглашения и приносить подарок, связывается с доброжелательным отношением к хозяевам и пожеланием им благополучия, в этом случае говорили: «сходить посмотреть». Приходили всегда с подарками, в ином случае полагали, что пришедшие не имели намерения порадоваться за хозяев, что нашло отражение в выражении — «прийти с пустыми руками». При встрече хозяева, приглашая гостей в дом, уважительно произносили: «приходите, проходите, небывалые гости». Как уже говорилось ранее, обозначение «небывалый гость» распространялось и на уважаемых людей. Если случалась внезапная необходимость прийти к новоселам — без подарка, тогда гость заносил в дом щепку или полено и клал их к печке, что означало пожелание тепла, благополучия в жизни. Альтернативой этому являлись деньги: следовало на божницу положить купюру или монету с пожеланием достатка домочадцам.

В культурах разных народов гостеприимство соотносится с понятием «честь» и убедительно раскрывается во взаимоотношениях хозяев и гостей, правилах их приема и поведения

² Слышали, узнали.

³ Некоторые.

(Сарангаева, 2016: 99; Валеев, 1989: 186). Для усть-цилемских староверов считается большой честью принять в доме уважаемого гостя, проявить к нему доброе отношение и открытость. «Честной гость» — ‘глубокоуважаемый гость’. Гости, проявляя благодарность за прием, говорили уходя: «Пора и честь знать». Гостеприимство предполагает бескорыстие, и хозяева проявляют внимание гостям, выставляют для них на стол лучшую еду, имеющуюся в доме. В угощении проявлялось уважение к людям, правилом этикета предусматривалось неоднократное обращение хозяйки к гостям отведать блюда с добавлением: «Ешьте, ешьте, гости дорогие». Случалось, что гости были не предвиденными, и хозяйка была не готова щедро накрыть стол, в этом случае говорила уважаемым гостям: «Хлеба́ черствы́ да гости честны́». В ответ гости отвечали: «Не дорого богатство, а дорого приятство»; «Не объедаться, только повидаться». Уважение к дорогим гостям проявляли и в доброжелательном общении, проявляя радушие: «Дорогим гостям почтеньё отдавали, привечали, говорили: за дорогих гостей можно и смолку выпить — это как возвышали гостей, в честі держали» (ПМА 4). В гостеприимстве ценилось не только угощение, но психологическое проявление открытости, теплоты приема, доброжелательности и уважительного отношения к гостям.

В усть-цилемских пословицах и поговорках отражены различные жизненные ситуации, связанные с гостеприимством. Паремии иллюстрируют ситуации о негостеприимных людях, таких именовали «непріймчивы люди»: «Кругом тётти да дяди, а чай попить негде»; «Сватушко, ночуй: вот тебе шапка да рукавицы!» — о негостеприимных родственниках. Такие люди подлежали осуждению, их характеризовали как жадных, нелюдимых, говорили: «у них снега зимой не выпросишь», «много пальцев, да все к себе гнуться».

С иронией относились к соседям, частившим с визитами: «Думали, свежие, а то всё те же» — говорили о посетителях, неоднократно посещающих дом/семью в течение одного дня. Точно также могли о себе сказать и люди, которые вынуждены были прийти в дом повторно. «Небывалая гостья Черепалова Федосья» — шутовское приветствие госте, приходившей ежедневно, а иногда и по несколько раз в день.

Житейские ситуации предполагали, когда в дом приходили нежеланные гости, в число которых входили навязчивые, докучливые, недоброжелательные люди, но в случае необходимости вынужденные просить помощи в предоставлении крова. Таких приветствовали неохотно и порой грубо: «Не двор-поместье»; «Какую лешачиху приехали?». О них иронично говорили — «Ждут таких три дня на пороге»; «На шарках нажиты по заплённому устью»: «У нас дедко Тима был, к нему всё старухи приходили его смотреть. Новых бат и недолюбливал. Сё спросим у его: «Дедко, кто в гостях был?». — «Гости... Гостей нашли. На шарках нажиты по заплённому устью». Это уж нелюбы люди были» (Дронова, 2014: 62). Бывало, что таким людям отказывали в их просьбах и это не осуждалось. Как объясняют информанты, так поступали в назидание подрастающему поколению, воспитывали детей на живых примерах. Но по рассказам это были единичные случаи.

В коммуникативной практике гостеприимства выделяются ситуации, имеющие важное значение для наставлений, закрепленные в паремиях. Детей с раннего возраста информировали о правилах, которых необходимо было придерживаться при гощении. Говорили: «посмотри на ноги, когдаходишь в дом — обувь должна быть чистой, а зимой без снега». Считалось неуместным задерживаться в гостях: «Гостят, гостят да и походят», «Гости, да знай меру», «На улице лунно, кому куда думно», «Не пора ли, гость, со двора» — намек для гостей о позднем часе и времени ухода. Сообщая об этикете, родители обязательно в пример приводят односельчан, которые злоупотребляют гостеприимством и ставят хозяев в неловкое положение, иногда вынуждают напомнить гостю об уходе. «Выжить⁴ не можно» — говорят о людях, которых с трудом выпроваживают из дома, чаще о нетрезвых мужчинах. «Сидят, сидят да и походят» — следовало сказать гостю, собравшемуся уходить. «Гостя унимай, а

⁴ Выгнать.

воли не отымай» — гостя можно просить о чем-то, но настаивать нельзя. «Свой устав дома оставь» — в гостях не управляют. «Мало гость гостит (сидит), да много видит» — истинные отношения в семье гость всегда подметит.

Гостеприимство в большинстве случаев не рассматривается как акт кратковременного общения; странники составляли незначительную часть вынужденного общения по сравнению с традиционными гошеваниями, имевшими целенаправленное взаимодействие, направленное на установление и поддержание добрых взаимоотношений между родами, односельчанами, свидетельствовавшее о готовности оказания моральной и материальной поддержки. Считалось неуважительным прийти в гости на малое время — «Прийти на стьяный⁵ час». Правилom утверждалось, что гошение предполагает разговор хозяев с гостем, с последующим чаепитием. Не отведавать угощений — обидеть хозяев, проявив высокомерие, в этом случае говорят: «уйти из пустой избы».

В усть-цилемской традиции статус гостя распространяется на странствующих, а также посетителей исключительно из числа уважаемых и социально обеспеченных людей. В число гостей не входили убогие, нищие, а также сельские маргиналы. О таких с иронией говорили: «Гостей много было: Ага да Полага, Устя хромá да Иря немá» — в данном присловье уничижение передается как через физические недуги, так и упрощение имен⁶. «Гости: с борку⁷ да с верéтейки⁸» — о маргиналах; «Гóстья из подмóстья». «Подмóстье» — ‘скопившаяся жижа в хлеве’. В данном случае выражением подчеркивается принадлежность хозяев и «гостей» к одной деревне, с одной стороны; с другой — социальное неблагополучие человека.

К убогим людям было особенное отношение — их не призирали, им помогали по мере возможности. Староверы проявляли к ним милосердие, в этом видели духовное спасение: «худые (убогие) люди даны богатым на спасение». Считалось, отвергнуть нищего — навлечь беду в дом. При этом устьцилёмá не разделяли таких людей на «своих» и «чужих» — помогали всем, по воспоминаниям, особенно много было просителей из коми-ижемских деревень: «Много убогих ходило. Из Ижмы приезжали на лошадях и ходили милостину просили: “подайте Христа ради”. И устьцилёмá их принимали. Старух принимали все, а мужиков побаивались, но всегда находились семьи, которые принимали. Подавали одежду, еду, кто что мог подать. Ходили просили одинокие больше, у которых никого не было. Мужики ходили подрабатывали и за это их кормили. Убогих называли, например, Мишенька сенькиных был, Марьюшка пашина, Одочка... Они придут, их на печь посадят, греют. А как стали пенсию платить, так убогих не стало» (ПМА 2).

В паремиях отражено и отношение бедноживущих людей к гостям. «Гости в дом, беда во двор»; «Гость — в горле кость» — рассуждения людей со скудным достатком, для которых приём гостей оборачивался разорением. «Приезжие гости — зубная боль» — так чаще всего не богатые люди говорят о внезапных гостях, в число которых входят и родственники, приехавшие по необходимости и нуждающиеся в крове. Несмотря на то, что принять «дорожных» людей следует с радушием, проявляя гостеприимство, для хозяев — это всегда дополнительные хлопоты, а иногда и отрыв от важных хозяйственных дел (например, сенокосных). В таких случаях домочадцы говорят на семейном совете, что гость — в горле кость, но принять приехавших необходимо с достоинством.

Считалось, что приезжий человек три дня находился в статусе гостя, его не привлекали к домашним и хозяйственным делам, а по истечении этого срока постояльца нагружали работами наравне с домочадцами.

⁵ Обоссанный.

⁶ Ага — Агафья, Палага — Пелагея, Устя — Иустина, Иря — Ирина.

⁷ Небольшой бор.

⁸ Возвышенная, сухая, непоемная гряда, близ берега.

Праздничные гощения в кругу родственников и одноверцев

Усть-цилемские староверы высоко ценили родство, поддержание которого достигалось в том числе и благодаря гощениям. Родственники первыми приглашались на гулянья такие как: свадьбы, угощения по случаю церковных праздников, именин, проводов в армию. Все родичи по отношению друг к другу назывались «родникí»; женщины объединялись в названии «родни́цы». «Роди́стыми» назывались семьи с большим количеством родственников как по прямой, так и так и боковым линиям родства. «Родни́ться» — ‘поддерживать отношения между родственниками’, говорили: «ездили друг дружки в гости, роднились», «бывало гостевались только родники» (Дронова, 2017: 103).

Усть-цилемские селения расположены в бассейнах рек: Печора и ее притоков Пижма, Цильма, Нерица. В связи с этим организация съезжих праздников/гощений в прошлом зависела от времени года и приходилась на период ледостава — это Рождество и масленица. Такие гощения имели взаимный характер, и прием приезжих гостей осуществлялся по принципу родства. Праздничное хождение в гости — акт регламентированный и такому общению предшествовала договоренность. В прошлом принимающая сторона приглашала гостей следующим образом: если родственники жили в одной деревне, то приглашающая сторона приходила в дом и в личной беседе сообщала о предполагаемом праздничном застолье, сообщала дату и время; гостей из дальних деревень приглашали через посторонних людей, ехавших туда по своим делам. Правилом требовалось ответить на приглашение благодарственными словами и подтвердить участие в гостьбе или объяснить причину неучастия. Такие гощения устраивали поочередно в домах родичей, говорили: «не в гости походишь, а по гостей», «в гости иди́, так по гостя пойди», т.е. необходимо было в обязательном порядке в ответ приглашать и к себе — «отгаживать». «Раньше родство ценили. В праздники созывали отовсюду, заказывали к празднику через посыльных или кто едет в деревню, через того человека приглашали. Собирались гости в двух избах сидели, в каждой по четыре, пять столов ставят. Родство ценили и берегли. Родны, двоюродны, троюродны, сватовья — все собирались. А потом у других гостят. Говорили не в гости походишь, а по гостей» (ПМА 5); «В гости идти, дак по гостя пойдёшь: надо, бат, заёмно, с одной стороны клин не чёшут. В гости пойди, дак это по гости идти, за гостями, обязательно надо людей заёмно пригласить». (Ставшина, 2008: 67). По традиции, гости, прибывшие издалека на лошадях, не занимались их обиходом; этим занимались представители принимающей стороны. Обычно гости съезжались в день гостьбы и разъезжались на следующий день. Перед праздничным застольем молитва не совершалась. Прибывшие гости сразу проходили и садились за стол, где и осеяли себя крестным знамением.

Праздничные гощения носили вселенских характер и к ним готовились заранее: мыли и украшали избы, белили печи, ставили брагу («делали квасы»), готовили лучшую еду; староверы надевали лучшие наряды. В отличие от будничных гощений в праздники поведение взрослых характеризовалось праздностью, всеобщим раскрепощением, весельем, шутками, распитием спиртного, пением, плясками. Размах праздничного гуляния у усть-цилемских староверов определялся избами и столами: «Сидели в двух избах, а бывало и в трех» (двух-трех комнатах — Т. Д.), «По шесть столов ставили», «Ране ведь столами считали. Бывало, скажут склада́ня была больша: пять столов ставили» (ПМА 6). «Бывало, время уж полночь, а бабы все сидят, песни поют. Мужики уж спят, а бабы не пьют, сидят, поют» (ПМА 1). Приглашением к трапезе был призыв хозяйки: «кушайте, гости дорогие»; благодарение выражали устойчивым выражением: «спаси, Господи, помилуй» и ответное: «Богу свету» или «во славу Божью, душе на пользу».

Как и повсеместно у русских, в праздничные дни границы традиционного поведения нарушались — мужчины и женщины «гуляли» отдельно: размещались в разных комнатах за разными столами (Бернштам, 1985: 137). Согласно усть-цилемской традиции, в главной ком-

нате (где была русская печь) размещались женщины, в следующей — мужчины. Мужчины и женщины пели разные песни, мужчины чаще вели беседы — «громко разговаривали», тогда как в будние дни за столом ели молча. В усть-цилемских селениях такая традиция размещения сохранялась до конца прошлого столетия.

Пение песен в «разрешенное» время (между постами) не считалось грехом, и не требовало покаяния, наоборот, считалось нарушением отказываться от всеобщего веселья. Многие информаторы подчеркивали, что гостьбы собирали, чтобы попеть песни. Исследователи отмечают о характерной особенности печорского пения, заключённой в семейной или деревенской «ансамблевости»: «Поют устьцилемы и пижемцы давно сложившимися коллективами (по родству, месту жительства, возрасту, общинной принадлежности), случайные и временно возникшие ансамбли почти невозможны (редко собирателю удавалось уговорить петь певцов вместе, если прежде они этого не делали). Устойчивость певческих коллективов служила важным фактором сохранения песенного репертуара и песенных текстов» (Традиционная, 2008: 20).

В прошлом в сельской общине существовал порядок приема и размещения гостей за столом. Почетных гостей, в число которых входили *сваты*, *кумовья*, ближайшие родственники зрелого возраста, размещали в *переднем* — красном углу. Ближе к центру и под матицей — гостей помоложе. Прочих размещали ближе к порогу. Последним, не осознающим «своего места» в сельской иерархии, но претендующим на высокие места, говорили так: «*Дом вдруг строится*», т.е. все сидим за единым столом. «*Новы гости придут на госьбу и хотят в передний угол сести, а сами не шибко дороги гости. Им и говорят : садись, Анисья: тут и покажут на место, дом-от вдруг строился. Что тут сидеть, что там — в одных стенах*» (ПМА 6). По обычаю односельчане, чаще старухи, возраст которых уже не позволял участия в подобных праздничных застольях, приходили и смотрели празднество, слушали пение, а затем в течение нескольких дней обсуждали разные его аспекты: закуски на столах, наряды женщин, исполнение песен и веселость компании. Принято было приходить нищим, которых не усаживали за стол, но всегда угощали едой, чаще выпечкой, которую они уносили с собой.

В сложные 1990-е годы съезжие гошевания практически были изжиты по причине безденежья у населения. Произошло разобщение родов, которое в должной мере не восстановлено и в настоящее время. Ныне застолья уже не имеют былого размаха, все реже звучат традиционные песни, предпочтение отдается танцам под электромеханические устройства. В традиционных праздничных угощениях произошли существенные изменения: в районном центре — Усть-Цильме, многолюдные застолья чаще организуются в общественных местах — в кафе, ресторане, но по обычаю приезжие гости проживают в домах приглашающих сторон. В целом праздничные съезжие гулянья всегда были желанными, их ждали и к ним готовились. В удаленных деревнях традиции сохраняются.

Вывод

Проведенное исследование показало, что, несмотря на стремление к самоизоляции усть-цилемские староверы всегда были готовы принять в своем доме странников, предоставляли кров и еду, но соблюдали разделение в посуде. Характер коммуникаций отражен в паремиях, в языковых единицах, где раскрываются различные жизненные ситуации, связанные с гостеприимством, воссозданы представления, ценностные установки, которые формировались в условиях взаимодействия представителей конфессии к окружающему миру, определяли их поведение. В кругу общения с одноверцами был выработан словесный этикет при встрече и прощании, благодарении за трапезу, в которые привнесен элемент религиозности, характеризующийся добродушием и теплотой. Как и повсеместно, гошения носили взаимный характер. Современная жизнь вносит изменения, но в картине мира устьцилемов по-прежнему остаются важнейшие установки, созданные предками — это добро-

порядочность, отзывчивость, взаимное уважение, поддержка. По-прежнему для староверов ценностной является альтруистическая модель поведения, раскрывающая стремление действовать во благо другого.

Список литературы:

- Бернштам Т. А.** Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 120–154.
- Валеев Ж. Д.** Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989. 256 с.
- Венмейстер А. В.** Гостеприимство: к определению понятия // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 2 (16). С. 149 (147–153)
- Дронова Т. И.** Тематический словарь пословиц, поговорок, присловий Усть-Цильмы. Сыктывкар, 2014. 168 с.
- Дронова Т. И.** Традиции сохранения родства в культуре староверов Усть-Цильмы // Известия Коми научного центра. 2017. № 3. С. 103–106.
- Ильинский П.** Задачи миссионера на Печоре // Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 17. С. 441–453.
- Истомин Ф. М.** Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // Известия императорского Русского географического общества. СПб., 1890. Т. 26. Вып. 2. С. 432–459.
- Ляцкий Е. А.** Поездка на Печору (из путевых заметок) // Вестник Европы. Кн. 2. СПб., 1904. С. 710–727.
- Ончуков Н. Е.** О расколе на Низовой Печоре. СПб., 1901.
- Островский А. Б.** Старообрядцы и православные в русском сельском социуме XX в. (поведенческие стратегии взаимодействия) // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 85–104.
- Рыговский Д. С.** «Правило чашки»: гостеприимство староверов в антропологической перспективе // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Кызыл, 2018. С. 172–177.
- Сарангаева Ж. Н.** Аллегорические характеристики гостеприимства в калмыцких, русских и британских паремиях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 10. С. 98–102.
- Ставшина Н. А.** Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Т. 1. СПб., 2008. 416 с.
- Толковая библия или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. М.: «Дар», 2009. Т. 7 Послание святого апостола Павла к Евреям. С. 1093–1166.
- Традиционная культура Усть-Цильмы: лирические песни / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехренгина, Е. А. Шевченко. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008.
- Тучкова Н. А, Коробейникова И. А.** Гостевой этикет селькупов по данным фольклора и этнографическим наблюдениям // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3. С. 80–89.
- Филиппов И.** История Выговской старообрядческой пустыни. Рукопись.

Информаторы:

1. Информатор Бабилова П. Г., 1932 г.р., д. Чукчино, Усть-Цилемского р-на, 2003 г.
2. Бабилова А. М., 1922 г.р., д. Чукчино, Усть-Цилемского р-на, 2007 г.
3. Дуркина М. А., 1930 г.р., с. Трусово, Усть-Цилемского р-на, 2018 г.
4. Носова В. И., 1930 г.р., д. Карпушовка, Усть-Цилемского р-на, 2010 г.
5. Носова А. С., 1929 г.р., д. Чукчино, Усть-Цилемского р-на, 2001 г.
6. Нечаева А. А., 1927 г.р., с. Усть-Цильма, Усть-Цилемского р-на, 2007 г.

Дронова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

**Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра
Уральского отделения РАН.**

Ул. Коммунистическая, д. 26, г. Сыктывкар, Республика Коми, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2021 г.

T. I. Dronova

HOSPITALITY IN THE PICTURE OF THE WORLD OF STAROVERS OF UST-TSILMA

The article examines the religious and moral phenomenon of hospitality in the picture of the world among the Russian Old Believers-bespopovtsy Ust-Tsilma, living in the lower reaches of the river. Pechory in the Komi Republic. The source for the writing of the work was the ethnographic field materials collected by the author in the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic and the corpus of Ust-Tsilma phraseological units, proverbs, and sayings identified from dictionaries. As a concept of culture, hospitality is widely represented in paremias, where situations related to hospitality are revealed allegorically, norms, attitudes and prescriptions in the behavior of contacting parties are comprehended, and the value of guest contacts in establishing and maintaining social ties is revealed. On the stated topic, terms and expressions are presented and analyzed that characterize the hosts and guests, depending on various situations (hospitality — inhospitable, meeting — farewell, etc.). The article reveals that hospitality was of great educational value, familiarizing children with the norms of hospitality was based not only on personal observations and examples, but also with the use of stable expressions and texts. The study showed that guest communication brought together not only relatives, but also representatives of the community as a whole. It was revealed that despite the well-known closeness of the Old Believers-bespopovtsy, they showed friendliness and mutual understanding to the representatives of other confessions, provided them with shelter and food. In the picture of the world of Russian Old Believers-bespopovtsy Ust-Tsilma, hospitality was of great importance in the preservation and development of the enduring value of their existence.

Keywords: *Russian Old Believers, hospitality, paremia, wanderer, guest, host, treat.*

References:

- Bernshtam T. A.** Budni i prazdniki: povedenie vzroslyh v russkoj krest'janskoj srede (XIX — nachalo XX v.) [Everyday life and holidays: behavior of adults in the Russian peasant environment (XIX — early XX centuries)]// *Jetnicheskie stereotipy povedenija/ pod red. A.K. Bajburina. Leningrad, 1985. P. 120–154. (in Russian)*
- Valeev Zh. D.** Nравstvennaja kul'tura bashkirskogo naroda: proshloe i nastojashhee [Moral culture of the Bashkir people: past and present]. Ufa, 1989. 256 p. (in Russian)
- Venmejster A. V.** Gospepriimstvo: k opredeleniju ponjatija [Hospitality: towards the definition of a concept]// *Teorija i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii. 2013. № 2 (16). P. 147–153. (in Russian)*
- Dronova T. I.** Tematicheskij slovar' poslovic, pogovorok, prislovij Ust'-Cil'my [Thematic dictionary of proverbs, sayings, sayings of Ust-Tsilma]. Syktyvkar, 2014. 168 p. (in Russian)
- Dronova T. I.** Tradicii sohraneniya rodstva v kul'ture staroverov Ust'-Cil'my [Traditions of preserving kinship in the culture of the Old Believers of Ust-Tsilma]// *Izvestija Komi nauchnogo centra. 2017. № 3. P. 103–106. (in Russian)*
- Il'inskij P.** Zadachi missionera na Pechore [Missionary tasks in Pechora]. // *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti. 1890. № 17. P. 441–453. (in Russian)*
- Istomin F. M.** Predvaritel'nyj otchet o poezdke v Pechorskij kraj letom 1890 goda [Preliminary report on a trip to the Pechora region in the summer of 1890]// *Izvestija imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. Sankt-Peterburg, 1890. T. 26. Vyp. 2. P. 432–459. (in Russian)*
- Ljackij E. A.** Poezdka na Pechoru (iz putevyh zametok) [Trip to Pechora (from travel notes)].// *Vestnik Evropy. Kn. 2. SPb., 1904. P. 710–727. (in Russian)*
- Onchukov N. E.** O raskole na Nizovoj Pechore [About the split at the Nizovaya Pechora]. Sankt-Peterburg, 1901.
- Ostrovskij A. B.** Staroobryadcy i pravoslavnye v russkom sel'skom sociume XX v. (povedencheskie strategii vzaimodejstvija) [Old Believers and Orthodox Christians in the Russian rural society of the 20th century. (behavioral interaction strategies)]// *Jetnograficheskoe obozrenie. 2005. № 6. P. 85–104. (in Russian)*
- Rygovskij D. S.** «Pravilo chashki»: gostepriimstvo staroverov v antropologicheskoi perspektive [«The Rule of the Cup»: Old Believer Hospitality from an Anthropological Perspective]// *IV Central'noaziatskie istoricheskie chtenija. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i mnogoobrazija. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Kyzyl, 2018. P. 172–177. (in Russian)*

Sarangaeva Zh. N. Allegoricheskie harakteristiki gostepriimstva v kalmyckih, russkih i britanskijh paremijah [Allegorical characteristics of hospitality in Kalmyk, Russian and British paremias]// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo univrsiteta. 2016. № 10. P. 98–102. (in Russian)

Stavshina N.A. Frazeologičeskij slovar' russkih govorov Nizhnej Pechory [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora] T. 1. Sankt-Peterburg, 2008. 416 p. (in Russian)

Tradicionnaja kul'tura Ust'-Cil'my: liricheskie pesni [Traditional culture of Ust-Tsilma: lyric songs] / Sost. T. S. Kaneva (otv.), A. N. Vlasov, A. N. Zaharov, Ju. I. Marchenko, Z. N. Mehrengina, E. A. Shevchenko. Moskva: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2008. (in Russian)

Tolkovaja biblija ili komentarii na vse knigi Sv. Pisanija Vethogo i novogo Zaveta [Explanatory Bible or commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]: v 7 t. / pod red. A. P. Lopuhina. M.: «Dar», 2009. T. 7 Poslanie svjatogo apostola Pavla k Evrejam. S. 1093–1166.

Tuchkova N. A, Korobejnikova I. A. Gostevoj jetiket sel'kupov po dannym fol'klora i jetnograficheskim nabljudenijam [Selkup guest etiquette according to folklore and ethnographic observations]// Tomskij zhurnal lingvističeskijh i antropolgičeskijh issledovanij. 2017. № 3. P. 80–89. (in Russian)

Filippov I. Istorija Vygovskoj starobrjadčeskoj pustyni [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage]. Rukopis'. (in Russian)

Dronova Tatyana Ivanovna, doctor of science (history), chief research fellow.

RAS, Ural Branch, Komi Science Center, Institute of Language, Literature and History.

26 Kommunističeskaya st., Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru